

В. Н ГОЛИЦЫНА.

**СТИХОТВОРЕНИЕ Н. А. ЗАБОЛОЦКОГО
«КОГДА БЫ Я НЕДВИЖНЫМ ТРУПОМ...»
И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПУШКИНСКОЙ ТРАДИЦИИ.**

Стихотворение «Когда бы я недвижимым трупом...» написано Заболоцким в 1957 году. Оно не было включено поэтом в план его собрания сочинений, как и несколько других стихотворений, созвучных ему («Медленно земля поворотилась...», «Во многом знании — немалая печаль...», «Разве ты объяснишь мне — откуда...»). Впервые эти стихотворения были напечатаны в 1965 году, в издании большой серии «Библиотеки поэта».

Почему автор не считал возможным включить эти стихотворения в свое собрание сочинений, хотя они по глубине мысли и художественному совершенству относятся к лучшим образцам его философской лирики? Некоторые интересные предположения уже высказывались исследователями поэзии Заболоцкого¹. Однако вопрос не может считаться решенным. Аргументированное объяснение вопроса может быть результатом внимательного изучения каждого из этих стихотворений как в отдельности, так и в их «оотнесенности со всей системой философской лирики Заболоцкого.

Следует сказать, что стихотворение «Когда бы я недвижимым трупом...» как-то выпало из круга тех произведений Заболоцкого, которые обычно анализируются исследователями его творчества. Между тем стихотворение это представляется нам весьма интересным по решению одной из ключевых тем поздней лирики Заболоцкого — темы бессмертия,

Когда бы я недвижимым трупом
Лежал, устав от бытия, —
Людским страстям, простым и грубым,
Уж неподвластен был бы я.
Я был бы только горстью глины,
Я превратился бы в сосуд,
Который девушки долины
Порой к источнику несут.
К людским прислушиваясь тайнам
И к верекличке вешних птиц,

¹ Например, в статье И. Ростовцевой «Смотри на мир, работай в нем ..», «Знамя», 1973, № 8.

Меж ними был бы я случайным
Соединением частиц.
Но и тогда, во тьме кромешной,
С самим собой наедине,
Я пел бы песню жизни грешной
И призывал ее во сне.²

Стихотворение органически включается в поэтическую систему философской лирики Заболоцкого. Проблематикой и атмосферой лирического мироощущения оно близко таким стихотворениям, как «Вчера, о смерти размышляя...», «Завещание», «Прощание с друзьями», «Сон». Их роднит направление мыслей и чувств лирического героя, стремящегося постичь связь человека с мирозданием, разгадать «секрет бессмертия».

При всей оригинальности каждого стихотворения ощущается в них не только тематическая близость, но и некоторое сходство структуры: композиция основана на принципе соотнесенности двух миров (живого и «загробного»), при этом лирический герой как бы стоит на грани этого двумирия или переступает порог земного бытия и познает «инобытие».

Когда на склоне лет иссякнет жизнь моя,
И, погасив свечу, опять отправлюсь я
В необозримый мир туманных превращений...

(«Завещание», 1, 239)

Жилец земли, пятидесяти лет,
Подобно всем счастливый и несчастный,
Однажды я покинул этот свет
И очутился в местности безгласной.

(«Сон», 1, 269)

Подобная «завязка» и в стихотворении «Когда бы я недвижным трупом...». И здесь поэт переносит нас в своеобразный, но уже знакомый нам «загробный мир» его поэзии, со своими реалиями, населением и отношениями (жук-человек, щепочки, травинки, сылетение каких-то материалов). «Страна смерти, — замечает А. Македонов, — изображена с той же естественной объективностью и наглядностью, с какой была изображена тайга Дальнего Востока или Гурзуф»³. Но при всей видимой реальности этот мир подчинен иным законам, это мир «туманных превращений», где «все разъято, смешано, разбито».

Как уже отмечалось в научной литературе, иерархия ценностей в поэзии Заболоцкого такова: «на нижней ступени, за гранью бытия, — хаос; над ним — по-своему, пусть даже не-

² Н. Заболоцкий. Избранные произведения в 2 тт. «Художественная литература». М., 1972, т. 2, стр. 46. В дальнейшем произведения Заболоцкого цитируются по этому изданию с указанием тома и страниц.

³ А. Македонов. Н. Заболоцкий. Жизнь, творчество, метаморфозы. «Советский писатель», Л., 1968, стр. 272.

разумно и неполноценно, но все же организованная природа и выше всего — целесообразная, творящая высшую гармонию, человеческая мысль»⁴.

В отличие от «Прощания с друзьями» и «Сна» в стихотворении «Когда бы я недвижимым трупом...» не так развернуто и детализированно изображена «страна смерти», но некоторых устойчивых примет и связей явлений вполне достаточно для того, чтобы ощутить атмосферу этого мира. Так же, как в «Прощании с друзьями», смерть, распадение не означает абсолютного уничтожения, жизнь материи продолжается, продолжается и цепь превращений:

Я был бы только горстью глины,
Я превратился бы в сосуд,
Который девушки долины
Порой к источнику несут.

Есть здесь и знакомое нам по другим стихотворениям противопоставление живых существ, людей как высшей формы организованной материи, и низшей материальности — результата распада:

К людским прислушиваясь тайнам
И к перекличке вешних птиц,
Меж ними был бы я случайным
Соединением частиц.

Это противостояние намечается и в предполагаемой уже в первом четверостишии разнице состояния. В жизни — страсти, тревоги, заботы, в смерти — возможности духовного покоя, избавления от тревог:

Когда бы я недвижимым трупом
Лежал, устав от бытия, —
Людским страстям, простым и грубым,
Уж неподвластен был бы я.

Покой этот кажется даже желанным, не случайно это уточнение «Лежал, устав от бытия».

Поэт как бы снова возвращается к издавна сложившемуся представлению о смерти как вечном покое, по-своему расшифровывает его (например, в «Сне»), испытывает сомнениями и антитезами, привлекая не только опыт научных знаний, но не в меньшей мере поэтический опыт своих предшественников. Сближаясь, отталкиваясь, споря с теми или иными поэтическими концепциями, Заболоцкий создает свою концепцию бессмертия, подвижную и многомерную, самобытность которой во многом обуславливается оригинальностью поэтической трансформации различных традиций.

Одним из вопросов, тревоживших воображение поэтов еще в те времена, когда господствовало религиозное представление о бессмертии души, был вопрос о возможности (или не-

⁴ Поэтический строй русской лирики. «Наука», Л., 1973, стр. 303.

возможности) общения между этими мирами, живым и мертвым, т. е. вопрос об абсолютности или относительности их разъединения. Эта тема была одной из основных в творчестве романтиков. Существенное место занимала она и в поэзии Пушкина. Интересно, что у Пушкина есть стихотворение, построенное на сопряжении разных представлений, — «Люблю ваш сумрак неизвестный...».

В первой части развернутый тезис:

Люблю ваш сумрак неизвестный
И ваши тайные цветы,
О вы, поэзии прелестной
Благословенные мечты!
Вы нас уверили, поэты,
Что тени легкою толпой
От берегов холодной Леты
Слетаются на брег земной
И невидимо навещают
Места, где было все милей,
И в сновиденьях утешают
Сердца покинутых друзей;
Они, бессмертные вкушая,
Их поджидают в Элизей,
Как ждет на пир семья родная
Своих замедливших гостей...

Ему противостоит антитеза второй части, начинающейся противительным «но»:

Но, может быть, мечты пустые —
Быть может, с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные,
И чужд мне будет мир земной;
Быть может, там, где все блистает
Нетленной славой и красой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
Минутных жизни впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Тоску любви забуду я...⁵

Это противопоставление не сводится в стихотворении Пушкина к взаимоотрицанию. И первое представление — существование связи мертвых с живыми («И невидимо навещают...», «И в сновиденьях утешают...»), и второе — абсолютное разъединение двух миров («Все чувства брошу я земные, | И чужд мне будет мир земной») — в равной мере предположительны («Быть может»), они — «поэзии прелестной благословенные мечты». Тайна не разгадана, не случайно стихотворение кончается вопросом, но благословенна поэзия, пытающаяся приподнять завесу с этой тайны. Эти мотивы разнообразно варьируются другими поэтами: Баратынским,

⁵ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 тт., АН СССР, т. 2, М., 1963, стр. 293—294.

Лермонтовым, Тютчевым, Блоком и многими поэтами двадцатого века.

Позднего Заболоцкого при весьма существенном отличии исходных принципов его поэтического мироощущения (материалистическое мировоззрение прежде всего) многое связывает в решении проблемы бессмертия с поэтической традицией, в том числе и пушкинской.

Ориентация Заболоцкого на рационально-научное познание жизни, во многом определившая своеобразие его поэтического мира, не закрыла от поэта вечной таинственности бытия. В статье «Почему я не пессимист?» он так говорит об этом: «Я — часть человеческого общества, его единица. С моей помощью и природа и человечество преобразуют самих себя <...>. Но так же как разум еще не постиг всех тайн микрокосма, он и в области макрокосма еще только талантливое дитя, делающее свои первые удивительные открытия. Я, поэт, живу в мире очаровательных тайн <...>. Моя деятельность — мое художественное слово. Путешествуя в мире очаровательных тайн, истинный художник снимает с вещей и явлений пленку повседневности»⁶.

В разгадке тайн смерти и бессмертия в лирике Заболоцкого научные представления одухотворены поэтической мечтой, превращающей неполноту наших знаний в возможную поэтическую реальность. Убежденный в вечности жизни материи (один из аспектов решения бессмертия), Заболоцкий вслед за своими предшественниками размышляет над проблемой бессмертия духовного, не упрощая, не стремясь к однозначности ответа.

Стихотворение «Сон» — одно из поэтических видений смерти. Основной лейтмотив — смерть как утрата духовно-эмоциональной связи с земным. Превращение в «часть мироздания» сопряжено с потерей воли, желаний, страстей — распадом личности.

Я уплывал, я странствовал в дали,
Безвольный, равнодушный, молчаливый,
И тонкий свет исчезнувшей земли
Отталкивал рукой неторопливой... (1, 26)

В то же время жизнь материи продолжается:

Со мной бродил какой-то мальчуган,
Болтал со мной о массе пустяковин.
И даже он, похожий на туман,
Был больше материален, чем духовен. (1, 270)

Вместо устойчивого для идеалистической концепции представления (тленного тела — материи — и бессмертия души) у Заболоцкого приобщение к всеобщности мироздания оказывается более материальным, чем духовным.

⁶ Н. Заболоцкий. Т. 2, стр. 287—288.

Уже в стихотворении «Прощание с друзьями» звучат напряженно-тревожные, многозначные по смысловым оттенкам вопросы: «Спокойно ль вам, товарищи мои? Легко ли вам? И все ли вы забыли?». В этих вопросах и надежда, и сомнения, и тревога.

Стихотворение «Когда бы я недвижимым трупом...» — как бы дальнейшая стадия поисков ответа на них. Теперь уже сам герой оказывается в стране смерти, куда до того ушли его друзья, сам вовлекается в сферу туманных превращений (горсть глины, сосуд). Поначалу кажется, что это и есть неизбежная и даже желаемая форма «инобытия», дающая отдых от земных страстей. В этом ключе выдержаны три четверостишия, и лишь последнее, мускульным усилием, опираясь на противительное «но», как бы сбрасывает эту тяжесть могильного покоя, прорывается к земному, страстному, грешному, прорывается песней, эмоционально-творческим порывом:

Но и тогда, во тьме кромешной,
С самим собой наедине,
Я пел бы песню жизни грешной
И призывал ее во сне. (т. 2, стр. 46)

Конструктивно стихотворение построено по принципу сложноподчиненного предложения, части которого связаны союзом «когда — тогда». Причем именно последнее четверостишие выступает в функции главного предложения. В первом четверостишии намечается условие, детализированное в последующих двух. Последнее («Но и тогда...») заключает в себе действие, и в этом действии — преодоление бесстрастия и безволия.

У. М. Цветаевой есть интересные наблюдения над своеобразием разрешения темы бессмертия в пушкинском «Цире во время чумы»: «Священник ушел молиться, Пушкин — петь. Пушкин <...> уходит последним, с трудом (как: с мясом) отрываясь от своего двойника Вальсингама, вернее, в эту секунду Пушкин распадается: на себя — Вальсингама — и себя — поэта, себя — обреченного и себя — спасенного <...> Вальсингам Пушкина от чумы спасает в песню <...> Последний атом сопротивления стихии во славу ей — и есть искусство»⁷.

И в стихотворении Заболоцкого преодоление духовного распада, разъединения жизни и смерти претворяется в творческом акте искусства — в песне, акте волевым, сопротивляющемся стихии (превращению в случайное соединение частиц).

Когда мы читаем это стихотворение, у нас невольно возникает ассоциация с пушкинским «Пророком». Она улавли-

⁷ М. Цветаева. Мой Пушкин, «Советский писатель», М., 1967, стр. 226—227.

вается в ритмико-стилистическом сходстве: торжественной размерности строк, переданной любимым Пушкиным четырехстопным ямбом с чередованием женской и мужской рифмы, усиленной лексикой высокого стиля и перифразом пушкинского образа («Как труп в пустыне я лежал» — «Когда бы я недвижимым трупом || Лежал...»). Дело здесь, конечно, не во внешних аналогиях, а в общей тональности, переводящей нас из сферы житейской обыденности в сферу высокого напряжения, где мысли и чувства масштабны, а события философичны, где чудесное кажется естественной формой проявления максимализма мыслей и чувств. Роднит Заболоцкого с Пушкиным и мотив духовного томления, рожденного неполнотой знания тайн бытия, и стремление к его преодолению⁸.

Интересно отметить, что ассоциации с пушкинским «Пророком», связанные с теми же мучительными раздумьями над разъединенностью человека и природы, жизни и смерти, возникали в стихах Заболоцкого и раньше: достаточно напомнить известное стихотворение 1936 года «Вчера, о смерти размышляя...», которое перекликается с пушкинскими стихами близостью состояния героев, переживающих чудо пророчества.

И нестерпимая тоска разъединения
Пронзила сердце мне, и в этот миг
Все, все услышал я — и трав вечерних пенья,
И речь воды, и камня мертвый крик.

Эта близость утверждается именем Пушкина, голос которого был услышан героем, познавшим суть бессмертия.

И голос Пушкина был над листвою слышен,
И птицы Хлебникова пели у воды,
И встретил камень я. Был камень неподвижен,
И проступал в нем лик Сковороды. (т. 1, стр. 195)

Но как у всякого большого поэта, у Заболоцкого традиционные мотивы, включаясь в самобытную поэтическую систему, существенно трансформируются ею. Если в пушкинском «Пророке», выдержанном в духе библейской легенды, акцентируется предопределяющее значение божественной воли, то «я» в стихотворении Заболоцкого одновременно является страдательным и действенно-волевым началом. Именно волевой импульс (максимальная концентрация мысли и чувств) приводят героя к пониманию всеобщей связи сущего и существовавшего («И все существованья, все народы

⁸ Следует отметить особую значимость для поэзии Заболоцкого именно этих пушкинских мотивов, которые часто переплетаются в стихах Заболоцкого с мотивом пушкинского афоризма «На свете счастья нет, но есть покой и воля», по-своему интерпретированного Заболоцким с определенной ориентацией на более близкую ему традицию Блока («Покоя нет, покой нам только снится...»).

Нетленное хранили бытие»), к пониманию своего назначения, близкого пророческому в этом круговороте жизни («И сам я был не детище природы, Но мысль ее! Но зыбкий ум ее!..»). В этом представлении о высоком назначении человека быть разумным организатором хаоса бытия видит поэт и возможность противодействия духовного начала распаду личности в смерти. Бессмертие проявляет себя не только в метаморфозе вещества (материи), но и в нетленности мысли, перевоплощающей самое природу.

Я с помощью ветвей свои взлелею мысли,
Чтоб над тобой они из тьмы лесов повисли
И ты причастен был к сознанию моему.

(«Завещание», т. 1, стр. 239)

Воплощенная в жизни природы мысль снова возвращается к людям, обогащая их знанием бытия. Этот устойчивый мотив торжества человеческой мысли проходит и через его статьи: «Мысль — Образ — Музыка», «Почему я не пессимист».

Стихотворение «Когда бы я недвижимым трупом...» вырастает из той же почвы, но в нем ощущается и нечто новое, присущее уже лирике Заболоцкого последних лет: особое внимание к чувству, сердцу, неповторимости человеческой личности, что проявляется не только в своеобразном жанре «лирического портрета» («В кино», «Некрасивая девочка», «Актриса», «Городок» и др.), но и в сфере его философской лирики, в которой явно намечается преодоление рационализма, «брюсовского холодка»⁹.

В этом отношении стихотворение «Когда бы я недвижимым трупом...» симптоматично: оно входит в круг других стихотворений этого направления, созданных поэтом в том же 1957 году («Во многом знании — немалая печаль...», «Разве ты объяснишь мне — откуда...», «Медленно земля поворотилась...»). Им свойственна большая лирическая теплота, большая открытость лирического «я».

Парадоксальным кажется тот факт, что именно эти, прекрасные своей мудрой простотой стихи оказались самым автором не включенными в список его собрания сочинений. Но в этом парадоксе, наверное, есть своя логика, логика проявления натуры поэта. И. Ростовцева в своей статье «Смотри на мир, работай в нем...» высказывает, на наш взгляд, интересную гипотезу, объясняющую этот видимый парадокс: «Ну в чем же здесь нарушение «запретов» искусства поэзии? — спросит читатель. Разве... искренняя человеческая обнаженность чувства противопоказана лирике? Нарушений нет, но отступление от принципов эстетической системы Заболоцкого»

⁹ Д. Е. Максимов. О старом и новом в поэзии Заболоцкого. «Звезда», 1958, № 2.

го есть... Не каждое откровение мог позволить себе поэт, целомудренно боящийся «самовыражением» и самолюбованием разрушить те великолепные объемы мира, грандиозной постройкой которых он был занят по преимуществу»¹⁰.

Вероятно, это новое должно было еще устояться, гармонически слиться с уже сложившейся поэтической системой Заболоцкого.

¹⁰ И. Ростовцева. «Смотри на мир, работай в нем...», «Знамя», 1973, № 8, стр. 239.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

ПРОБЛЕМЫ
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЛЕНИНГРАД
1975